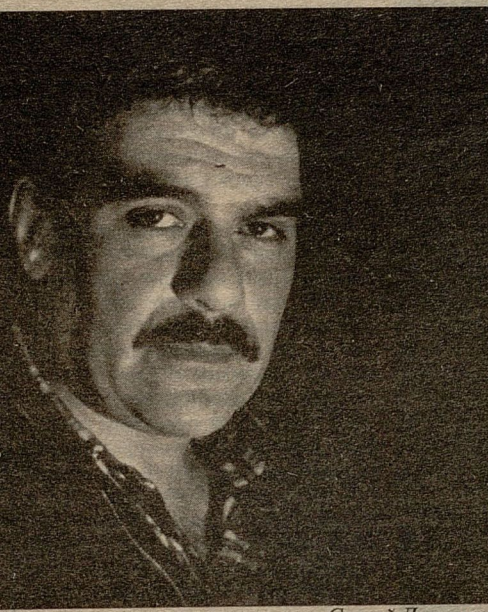

Моск. новости. - 1996. - 14-21 янв. - с. 37

ПРОЗА

Разгадке жизни равносилен

Трехтомник прозы Сергея Довлатова, первый тираж которого выпущен питерским издательством «Лимбус-пресс» в 1993 году, поставил рекорд: тираж превысил 150 тысяч экземпляров и допечатывается ежемесячно.

Сергей Довлатов

Проект издания относится к самым удачным книгоиздательским проектам 90-х, и можно поздравить издателей, вовремя понявших, что не чтивом единым сыт человек.

В чем секрет популярности довлатовской прозы, гадали многие мои коллеги: следом за трехтомником появился довлатовский номер «Звезды», материалы которого тянут на целую конференцию.

В Довлатове сошлось все: обаяние прозы, заглазываемой сразу, — как отметил Иосиф Бродский, «читать его легко»; но тут же хочется сказать словами другого классика: «печаль моя светла». Читательская признательность за отсутствие претензий вознаграждена признанием. Обаяние личности — подлинной мужской красоты, манеры держаться, угадываемой по фотографиям даже теми, кто никогда Довлатова в глаза не видел. Пересечение, вернее, умножение двух этих обаяний — поскольку героем безгеройного времени и стал сам автор.

Эта проза удалена от «исповедальной» прозы предшественников-шестидесятников — в довлатовских текстах, собственно говоря, нет ни исповедальности, ни проповедничества. Нет — пафоса. И искренность его оставляет странное послевкусие. Чем ближе к себе вроде бы подпускает герой-автор, тем сильнее ощущаешь дистанцию.

Триумф его посмертный на родине был столь ошеломляющим, что многие попробовали работать «под Довлатова», беря напрокат манеру, композицию, стиль, прочерчивая

свою жизнь сквозь контур его эстетики, пытаясь попасть под ускользающий луч успеха.

Простота довлатовской прозы — кажущаяся, доступность — мнимая (да личность при ближайшем рассмотрении отнюдь не «миленькая»). Известно, что он ставил перед собой чисто формальные задачи — например, тщательно избегал во фразе слов, начинающихся с одной и той же буквы алфавита. Ему необходима была рамка именно потому, что проза его свободна. Его ассоциативность просчитана и упорядочена.

Проза Довлатова возникла в тот момент, когда литература потратилась с героями, когда стало неинтересно следить за персонажами выдуманной. Возникла в промежутке — между прозой сюжетной, персонажной и прозой авторской, как бы дневниковой, ностальгически-мемуарной. Возникла «снизу» — из трепа, из разговорчиков, из баек, из «пластинок», как сказала бы Ахматова. Довлатов поставил художественный эксперимент на себе самом, введя себя в круг персонажей русской литературы, в «литературную кадрию», размывая границы между реальностью и вымыслом.

Довлатов решительно не захотел заниматься тем, что называется «серьезная литература»: он понял ее, как бы выразиться помягче, временную истощенность, если не истасканность. Высокие задачи, учительство, просветительство — все это вызывало у Довлатова неприятие. О чем его тексты, луч-

ше всего сформулировано им самим: «За эти годы влюблялись, женились и разводились наши друзья. Они писали на эту тему стихи и романы. Переезжали из одной республики в другую. Меняли род занятий, убеждения, привычки. Становились диссидентами и алкоголиками. Покушались на чужую или собственную жизнь. Кругом возникали и с грохотом рушились прекрасные, таинственные миры. Как туго натянутые струны лопались человеческие отношения. Наши друзья заново рождались и умирали в поисках счастья».

Именно «поиски счастья», рождение, смерть, любовь, то есть поистине вечные темы и стали основой бессистемной и внешне антитематической, неуместной в СССР довлатовской прозы. Будучи диссидентом литературным, он отшучивался от диссидентской участи не потому, что опасался последствий, а потому, что она ограничивала его независимость еще с одной стороны.

Трехтомник, подготовленный А.Арьевым и замечательно оформленный А.Флоренским, расположил прозу Довлатова по трем городам — Ленинграду, Таллину, Нью-Йорку. Каждое из «волшебных мест» своего маршрута жизни Довлатов одомашнивал — так же, как он сумел одомашнить даже «зону» (собственно говоря, Довлатов — оппонент Солженицыну; его герой-рассказчик «Зоны», надзиратель, находится по другую сторону колючей проволоки). Зато он приобрел другое — освобождающий, вольный смех, нет, не насмешку и тем более не сарказм, а смех, обращенный в том числе и на самого себя (что, замечу в скобках, недоступно его эпигонам).

Достоевский, кажется, говорил, что жить — значит сделать художественное произведение из себя.

Довлатову это удалось.

И теперь успех трехтомника, календарики на 1996 год с портретом Довлатова, непрекращающееся разрастание «довлатовского мифа» свидетельствуют об этом.

На супер второго тома помещено фото Нины Аловерт — Довлатов с Бродским.

Есть еще одна загадка: в том, что столь мощные и в конечном счете триумфальные таланты нашего времени, поэт и прозаик, а также примечательно успешные издательские проекты произошли из Питера, хотя нам все время казалось, что главная литературная жизнь сосредоточена в Москве.

Петербургский период русской литературы продолжается?

Наталья ИВАНОВА